

I. ДИСКУРС В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 81–13

НАРРАТИВ И ДИСКУРС*

В.З. Демьянков

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

vdemiank@mail.ru

Представлены результаты корпусного исследования потомков латинского *nārrō* и их однокоренных в нескольких романских языках (латинском, французском, итальянском, испанском), в германских (английском и немецком) и в русском. Выделяются три группы языков, в зависимости от того, какая лексема статистически преобладает в корпусе: глагол-ориентированные латинский и итальянский языки, *наррация*-ориентированные французский и испанский языки и *нарратив*-ориентированные английский, немецкий и русский языки.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, контрастивная корпус-лингвистика, нарратив и когниция, нарратив vs. дискурс, связанность изложения, связность дискурса, внутренняя форма терминологических единиц.

Для цитирования: Демьянков В.З. Нарратив и дискурс // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 5-16.

DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-5-16

1. Введение

Проблему нарратива нельзя назвать забытой. Ей посвящаются энциклопедии [Herman, Jahn, Ryan, eds. 2005] и обобщающие авторские исследования [Curtie 1998], в том числе, на русском языке [Шмид 2003], [Тесля, Золян, Тульчинский 2022: 188-256].

«Внутренняя форма» подобных терминов, именующих абстракции, только в общих чертах, намеком, указывает, чем явления кажутся на первый взгляд, а причины этих явлений и их физиология – предмет гуманитарных и общественных наук, в которых *нарратив* и его производные используются при описании и объяснении явлений культуры. Таковы же термины *концепт* (от латинского *conceptus* «зародыш» и «росток»), *дискурс* (от латинского *discursus* «бегание в разные стороны») и *текст* (*textus* «нечто сплетенное, изготовленное»). *Narrativus* – дериват пассивного причастия *narratus* «рассказанный» от глагола, корень которого *gn-*, по мнению этимологических словарей, – «знать» и «быть известным», см. ниже. Это

делает *нарратив* законным объектом исследования когнитивистов в духе замечательной книги [Болдырев 2018].

После многих веков употребления реальные, пусть и переносные, значения подобных терминов остались подозрительно близкими к исходному, к этимону. Буквальный смысл именованная «феноменален», часто это «дескрипция» (в противоположность немотивированному имени), задающая поисковый образ, по которому человек выясняет: «А что это такое, что я вижу вот эдак?» В начале поисков, и правда, что-то видно, но не четко. Но увеличив разрешение своего бинокля и вместо «предварительно» увиденного большого слона уткнувшись в большого же бегемота, чувствуешь подлог: а где же хобот? Одна крупная задача «подменилась» другой. Поэтому слишком резкий откат от исходного значения, даже многократно разъясняющий суть дела, приведет к тому, что увидится уж слишком непохожим на то, что имели в виду, создавая слово, и задача обрстет совершенно иными параметрами. А вместо простого кусочка хлеба науке придется есть расфуренное пирожное.

Первоначально новое, в частности, заимствованное слово выбивается из системы слежавшихся понятий. По правилам терминологической игры, от привалившего счастья не отказываются,

* Раздел 1 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделах 2–4, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00040) в Институте языкознания РАН.

и дареному термину в корень смотрят, мирным путем разрешая разногласия между конкурирующими именованьями и (иногда условно) устанавливая пограничные столбы внутри вырастающей на наших глазах (не побоюсь этого слова, эмерджентной) терминосистеме. Старая система давит на новый элемент, приплющивая спектр его значений, а новый элемент расталкивает старую систему, заставляя ее старожилов уплотниться.

Так, наблюдения над словоупотреблением в современном русском языке показывают, что помимо этимологического значения, слово *нарратив* приросло дополнительными смыслами, оправдывающими заимствованный термин там, где уже давно есть русские *повествование, изложение, рассказ* и т.п. (некоторые из которых были первоначально кальками «чужих» терминов *дискурс* и *нарратив*, чтобы не плодить иностранщину в чисто русском поле родных корней). И возникает вопрос: почему разговор о нарративе стал актуальным именно сегодня, после многих веков употребления своих, родных обозначений рассказа и изложения? Да и вообще, как и чем реальные контексты реабилитируют этот термин в филологических, философских, исторических, политологических размышлениях? Сайты «Карта слов» (URL: <https://kartaslov.ru/>), «Большой текст про нарратив с примерами» URL: <https://onff.ru/pro-narrativ-prostymi-slovami-s-primierami/> и др. показывают, что помимо значения «рассказ, изложение известного» под нарративом у нас имеют в виду еще нечто, русскими синонимами не предусмотренное. И что же заставляет нашу культуру, традиционно очень разборчиво догонявшую и перегонявшую западную, задуматься о нарративе именно в 20-21 вв., а не раньше?

Кроме того, в русской и в западноевропейских интеллектуальных культурах издавна бытуют термины *текст* и *дискурс*, тоже заимствованные, о сходствах и различиях которых тоже много написано, см. [Демьянков 2007]. Неплохо бы выяснить, чем между собой различаются дискурс и нарратив.

Рассказ об отношениях в этом мире – будь то эскизный вымышленный «мир рассказа» или «картина маслом» – основан на мнениях и сомнениях. Этот мир подается не обязательно чисто рассудочно, в логическом порядке: главное требование к рассказу – «связанность» (*cohesion*, *когезия*) получаемого текста, отсутствие очевидных скачков, неоправданных забеганий вперед и несостыковок в изложении. Главное же требование к дискурсу как носителю «дискурсивного» (т.е. рас-

судочного) хода мысли – логическая «связность» (*coherence*, *когерентность*, *несамопротиворечивость*). Еще лучше, если логичность не только внутренне присуща тексту, но и оформляется наглядно, с помощью маркеров логического рассуждения, типа *если, поэтому, соответственно, тем не менее*. Но часто текст приобретает очертания дискурса только после невероятных интерпретаторских потуг. В научных сочинениях, следуя заветам Р. Декарта, от дискурса ожидают эксплицитных, не завуалированных и не эвфемистичных утверждений. В ненаучных же такие требования ослаблены, допускается нарратив (напр., внешне гладенький текст), хотя бы внушающий определенное настроение своим читателям. А «нарративный дискурс» отвечает обоим требованиям – к дискурсу и к нарративу. Но внешность обманчива, и текст, казавшийся бесхитрым нарративом, вдруг переосмысливается, встает на дискурсивные дыбы, вынося на поверхность неведомые глубокие подстрочные линии рассуждения и порвав старые подгнившие информационные провода. И наоборот, в жанре тезисного изложения «по пунктам» дискурс выглядит как мени из умозаключений, между собой плохо скрепленных, как «недонарратив».

И стандарты связей между частями текста, и степень допустимости неправдоподобия и ненаглядности частей нарратива варьируются. В этом их культурообусловленность: ментальная культура, по определению, представляет собой такие стандарты, она изобретена и постоянно доизобретается человеком, не существуя независимо от него «в натуре».

В различных жанрах по-разному допустимы и простодушная честность, и коварная неискренность. То, что в художественных (*fictional*) жанрах благодушно расценивается как невинное преувеличение (ср. буффонада, гротеск и т. п., доставляющие особое удовольствие даже утонченной изысканной публике), в других – в мемуарах, в исторических сочинениях и т. п. – гневно осуждается как недопустимая и преступная ложь. Культурными стандартами на злобу дня определяются целесообразность, ожидаемость и законность конкретного метода построения текста. Да и сама уместность высказываний. Так, зайдя впервые в какой-нибудь компьютерный салон, вы вряд ли услышите от продавца в качестве первой фразы: «Ну, рассказывайте». Ведь мы привыкли «рассказывать» адресату, с которым хотя бы элементарно знакомы, когда наш рассказ «легитимизирован» (законен) в общей рамке общения, а потому ори-

ентируется на интересы сторон информационного бартера.

Наглядно помечая логические переходы, вставляя логические связки *поэтому, так как, не смотря на это* и т.п. в бесхитростный нарратив свидетеля-подозреваемого, умелый (ис)следователь в конце своей работы предъявит миру дискурсище, без всяких сомнений доказывающий вину миссис Хадсон в безвременной кончине собаки Баскервилей. Нарратив будет сырьем для такой дискурсивной переработки. А можно и дискурс переодеть, «нарративизировать» до неузнаваемости так, что и родной Сократ не опознает: дискурсы тоже травестируются, и мудрость притчи пробирается в высоколобую дискурсивную культуру.

В следующих разделах проследим хождение лексем производных от латинской основы *nārr-* по четырем романским, двум германским языкам и в русском, опираясь на данные большого многоязычного корпуса неперевода художественных и документальных текстов. Этот корпус основан на оригинальном программном обеспечении для текстовой обработки, статистики и поиска примеров по заданным параметрам. Языки представлены различными объемами и количествами текстов и в обычных, и в электронных библиотеках. Больше всего в нашем распоряжении было текстов на русском и на английском, меньше на немецком и французском, еще меньше на латинском (хотя были использованы практически все имеющиеся электронные библиотеки), итальянском и испанском. В силу такой неоднородности мы можем опереться только на соотносительную, а не абсолютную частотность лексических единиц: каких словоформ найдено больше, чем данная, а каких меньше. Число в скобках после конкретной лексической единицы будет обозначать количество предложений, в которые она хотя бы один раз входит. Напр., в латинском корпусе имеем: *enarravit* (63) «(он) изложил» (перфект) > *enarrant* (55) «излагают», где знак > читается как «большее количество». Чем больше число найденных примеров, тем меньше шансов у словоформы считаться креативной, новаторской. И наоборот, единицы, меньше остальных представленные в большом корпусе, имеют возможность воссиять в будущих текстах в качестве сенсационных креативов – виданных (если их уже употребили хотя бы один раз) или не виданных.

Приводя примеры словоупотребления, в круглых скобках указываем автора, название и – если это известно – год создания или первой публикации произведения.

2. Романские языки

2.1. Латинский язык

Этимологические словари [Bréal, Bailly 1885: 117-118], [Walde 1910: 508], [Ernout, Meillet 1951: 495-495] и [Дворецкий 1976: 661] соотносят *nārrō* с редким *gnārus*, означающим и «тот, кто знает, знающий», и «известный». Его антоним *ignārus* (*in* + *gnārus*) – «кто не знает, незнающий, неопытный, несведущий» и «неизвестный, незнакомый, чуждый» [Дворецкий 1976: 486], ср. *ignōtus*. Начальное *gn* перешло в *n*, так что получились *nāscor*, *nōscō*, *nārrō*. Датировки первых употреблений см. [Köbler 2005: 926-927]. Подробное перечисление лексических значений *nārrō* и однокоренных см. [Klotz 1874: 475] и [Georges 1951]. В полнейшем по охвату материала и по проникновению в стилистические тонкости словаре [Glare 1968: 1155-1156] выделяются пять групп значений: 1) сказать, сообщить; 2) описывать, рассказывать о чем-либо; 3) в возмущенном восклицании *quod argentum narras?* «о каком серебре ты говоришь?», с объектом в винительном падеже; 4) как в *narratur* (в пассивной перспективе) «быть предметом речи» и *narratus* «знаменитый»; 5) излагать факты, повествовать (термин риторики). У глагола *enārrō* (*ex* + *nārrō*) там же констатируются два значения: 1) полно о чем-либо сообщать, исчерпывающе описывать, 2) понятно объяснить, растолковать [Glare 1968: 607]. По [Georges 1951: 2416], для первого значения у *enārrō* особенно важна идея подробности и полноты изложения, а для второго – разъяснение непонятного (с языковой стороны) выражения, рассказ о том, почему так сказано и как в таких случаях принято говорить (“sprachlich auslegen, erklären, interpretieren Poemata”).

В латинском корпусе глагольные формы *nārrō* (*narrāvī*, *narrātum*, *narrāre*) «рассказывать, говорить, сообщать» представлены чаще, чем субстантивные:

– глагол *nārrō* в личных формах (2875) > номинализованная форма *narratio* (730) > имя деятеля *narrator* (42) > *narrativus* (3) > *narrabilis* (2);

– глагол *enārrō* в личных формах (535) > *enarratio* (214) > (*in*)*enarrabilis* (104, из них позитивная форма *enarrabilis* «что можно передать словами» встретилась всего 8 раз, а негативная *inenarrabilis* «что нельзя передать словами» – 96) > *enarrativus* (3) > имя деятеля *enarrator* (1).

В корпусе встречаются следующие личные формы глагола *nārrō*: *narrat* (558) «излагает» > *narravit* (226) «(он) изложил» (перфект) > *narrare*

(225) «излагать» > *narratur* (173) «излагается» > *narrantur* (113) «излагаются» > *narrant* (131) «излагают» > *narras* (67) «излагаешь» > *narrabo* (66) «изложу» > *narrabat* (66) «(он) излагал» (имперфект) > *narraverunt* (57) «(они) изложили» (перфект) и т. д. (всего свыше 130 разных форм).

Плавт (254 – 184 до н.э.) одним из первых часто употреблял этот глагол, в обеих самых частотных формах, напр.: *Recte dicit, ut commemorat: somnium narrat tibi* «Правильно говорит, он как будто вспоминает: сон тебе рассказывает» (Т. Масси Плавти, Amphitruo); *Quis igitur nisi vos narravit mi, illi ut fuerit proelium?* «Кто же еще как не вы рассказали мне, как протекала битва?» (Т. Масси Плавти, Amphitruo).

Бывает эта же основа с различными префиксами (*denarro* «обстоятельно рассказываю», *praenarro* «заранее рассказываю», *renarro* «пересказываю»), но только глагольные формы *enarro* (*enarrāvī, enarrātum, enarrāre*) «подробно излагать, объяснять» сравнительно часты, хотя они и значительно реже беспрефиксных: *enarravit* (63) «(он) изложил» (перфект) > *enarrant* (55) «излагают» > *enarrabit* (52) «(он) рассказал» (перфект) > *enarrare* (50) «рассказать» > *enarrat* (41) «рассказывает» > *enarras* (22) «рассказываешь» > *enarrari* (18) «рассказываться» (пассивный инфинитив) и т. д. (всего около 80 форм с префиксом).

Форма 3 л.ед.ч. *narrat* «излагает» лидирует без префикса, а *enarrat* «рассказывает» менее употребительна, чем форма перфекта 3 л.ед.ч. *enarravit* «изложил».

Отглагольные существительные *narratio* (759) и *enarratio* (213), оба означающие процесс и результат изложения, в частотности уступают глагольным формам, а формы множественного числа, означая результат «рассказы», а не процесс, заметно реже форм единственного:

– *narratio* (188) (именительный ед.ч.) > *narrationem* (187) (винительный ед.ч.) > *narratione* (143) (отложительный ед.ч.) > *narrationis* (141) (родительный ед.ч.) > *narrationibus* (29) (мн.ч. дательный и отложительный) и т. д.;

– *enarratio* (186) (именительный ед.ч.) > *enarrationes* (13) (мн.ч. именительный и винительный) и т. д.

Прилагательное *narrativus* и его дериваты в латинском тексте представлены очень мало и поздно, самое раннее употребление в 4-5 вв. н.э.: *Incipit psalmi magni sectio narrativa* «Крупные псалмы предваряет излагающий раздел» (S. Aurelii Augustini, *Enarrationes in psalmos*). Да еще пару раз у Св. Фомы (1225-1274), значительно

позже: *Proceditur etiam ad instructionem morum: unde quantum ad hoc modus ejus debet esse praeceptivus, sicut in lege; comminatorius et promissivus, ut in prophetis; et narrativus exemplorum, ut in historialibus* «Также переходят к наставлению в нравственных действиях: и в отношении этого его метод должен состоять в том, чтобы давать наставления, как в Законе; грозить и обещать, как в Пророках; и быть повествующим («нарративным»), приводя примеры из разных историй» (Sancti Thomae de Aquino, *Scriptum super Sententiis*). В этом контексте *praeceptivus* «предписывающее, назидательное, излагающее без гнева и предвзятости» (*sine ira et studio*) воспитание нравов (*instructio morum*) противопоставляется нарративному, «дескриптивному», констатирующему, академичному методу назидания, без прямых наказов-инструкций, но на реальных примерах из жизни.

Практически столь же редко *narrabilis* (2) «о чем можно порассказывать», вот один из таких случаев, у Овидия (43 до н.э. – 17 н.э.): *Non est ultra narrabile quicquam* «Об этом не слишком-то и рассказывать можно» (P. Ovidi Nasonis, *Epistulae ex ponto*). Немного больше встречаем *enarrabilis* (7) «поддающийся изложению, достойный описания», особенно с отрицанием *non enarrabilis*, зато значительно чаще *inenarrabilis* (97) «неописуемый», эпитет, употребительный с первого века до нашей эры еще у Вергилия и у Тита Ливия, напр.: [...] *clipei non enarrabile textum* «неописуемое качество изготовления (букв. текстура) щита» (P. Vergili Maronis, *Aeneidos: Lib.VIII, 628*). Здесь нарратив и текст оказываются на очной ставке внутри одного словосочетания. Ср. у Сенеки младшего (4 до н.э. – 65 н.э.) с «почти отрицанием» *vix* «едва ли»: *Hoc tam perplexum et subtile et vobis quoque vix enarrabile quomodo infans intellegit?* «Это так запутанно и тонко, и для вас также едва описуемо (т. е. необъяснимо), как ребенок понимает?» (L. Annaei Senecae, *Min., Epistularum moralium ad Lucilium*). И с отрицательным префиксом *in-*: *iudicant quidam flumina quoque, quorum inenarrabilis natura est* «Оценивают иногда также течения, природа которых неизъяснима» (L. Annaei Senecae, *Min., Quaestiones Naturales*).

Именованье рассказчика *narrator* (42) употребляется уже во втором веке до н.э., напр.: [...] *ceteri non exornatores rerum, sed tantum modo narratores fuerunt* «остальные не приукрашивали свое изложение исторических событий, оставаясь просто рассказчиками» (M. Tulli Ciceronis, *De*

Oratore). Но *enarrator* «толкователь, популяризатор» встретился только один раз, да и то лишь во втором веке н.э.: *Varronis enarrator, quas partim Cynicas, alii Menippeas appellant* «Истолкователь Варрона, которого одни называют Циником, а другие Мениппеасом...» (Aulus Gellius, *Noctes atticæ: Libri 1-11*, 13, 20).

2.2. Французский язык

В отличие от латинского, лидируют субстантивные формы, а глагольные встречаются заметно реже:

– *narration* (2437) > *narrateur* (1361) «рассказчик» и *narratrice* (49) «рассказчица» > глагол *narrer* в личных формах (1018) > прилагательное мужского рода *narratif* «рассказывательный» + *narrative* прилагательное женского рода «рассказывательная» + *narrativité* (301) «нарративность, рассказывательность» > *narrable* (1) «заслуживающий упоминания»;

– *inénarrable* (304) «что нельзя передать словами» > глагол *énarrer* в личных формах (8) > *énarration* (1) «изложение».

Напр.: *Il quitte la narration pour l'abstraction* букв. «От изложения он переходит к абстракции» (Roberto Miguelez, *Les règles de l'interaction: Essais en philosophie sociologique*, 2001); *L'insolence de nos adversaires est inéditable* «Наглость наших противников нельзя описать словами (букв. нерасказуема)» (A.F.L du Roure de Beaumont, *Analectabliblion*, Tome 1/2, 1837).

Не найдены (отсутствуют или чрезвычайно малочисленны) примеры с *énarrable* «что можно передать словами».

Наиболее частые глагольные формы: инфинитив *narrer* (481) > пассивное причастие мужского рода единственного числа *narré* (224) > 1 и 3 лицо единственного числа настоящего времени, а также императив 2 л.ед.ч. *narre* (128) > пассивное причастие женского рода единственного числа *narrée* (43) > пассивное причастие мужского рода множественного числа *narrés* (30).

Напр.: *Ici je me permettrais de vous narrer un souvenir personnel* «Здесь я позволил бы себе рассказать вам личное воспоминание» (Élisée Reclus, *Eanarchie*, 1894).

На этом фоне 8 словоформ глагола *énarrer* и столько же глагола *renarrer* кажутся случайными.

Narratif / narrative в качестве атрибута согласуются с существительным в роде и числе, напр.: [...] *l'auteur a mêlé tout cela de facéties, et tantôt employé le style narratif, tantôt le dramatique, selon que sa tête l'a voulu* «[...] автор все переме-

жал грубоватыми шутками, прибегая то к повествовательному стилю, то к драматическому, как ему заблагорассудится» (Pierre-Louis Ginguené, *Histoire littéraire d'Italie*, 1824); *Au lieu des tirades narratives, c'est en un menu dialogue qu'arrivent une à une toutes les fictions de ce menteur* «Вместо повествующих тирад, именно в этом маленьком диалоге всплывают один за другим вымыслы этого Лжеца» (Pierre Corneille, *Oeuvres: Tome IV*). Иногда атрибут переводится на русский как причастие, напр.: *Lettre du Sieur de Poutrincourt narrative de ce qui s'est passé* «Письмо господина де Путринкура, повествующее о том, что произошло» (Marc L'escarbot, *Histoire de la Nouvelle-France*, 1617). При таком атрибуте предполагается указание объекта (о чем рассказывается), но иногда оно отсутствует, напр.: *A neuf heures, il rentra à son auberge, où Coffe avait préparé deux immenses lettres narratives et explicatives* букв. «В девять часов он вернулся в свою гостиницу, в которой Кофф приготовил два огромных письма, излагающих и объясняющих» (Stendhal, *Lucien Leuwen: Ou L'élève chassé de l'École Polytechnique*, 1834).

Narratif «нарративный» (мужской род) бывают *style* «стиль», *genre* «жанр», *mythe* «миф», *ordre* «порядок», *poème* «поэма», *roman* «роман» и т.п.; в женском роде имеем *narrative*, напр., *l'humour* «настроение», *figure* «настроение», *lettre* «письмо» и т.п. Бывает нарративным и *discours* «дискурс»: *C'est cet ordre du discours narratif qui devient le point de départ de la succession dans le temps, comme la ressemblance introduite lentement dans les portraits devient le point de départ de la qualité des choses et de leurs classifications* «Именно этот порядок повествовательного дискурса становится отправной точкой для последовательности во времени, поскольку сходство, постепенно вносимое в портреты, становится отправной точкой для свойства вещей и для их классификации» (Pierre Janet, *L'intelligence avant le langage*, 1934). Такой дискурс приравнивается рассказу (*récit*): *En effet, le roman est un récit, c'est-à-dire un discours narratif ayant, donc, une structure qui n'est pas celle d'un système théorique, n'utilisant pas de concepts abstraits et enfin, et surtout, se présentant comme le discours d'un sujet – que celui-ci soit l'acteur du roman ou son auteur* «Действительно, роман – это рассказ, то есть повествовательный дискурс, имеющий, таким образом, структуру, отличную от структуры теоретической системы, не использующий абстрактных понятий и, наконец, и самое главное, себя представляющий как дискурс некоторого субъекта – независимо от того, является ли он персонажем романа или его автором» (Roberto

Miguelé, L'émergence de la sociologie, 1993). Свойство «быть повествовательным» называется *narrativité* «нарративность, повествовательность», напр.: *Il serait alors possible de lire L'Ethique en suivant le fil d'une certaine narrativité indicative* «Тогда можно было бы прочесть «Этику» [Спинозы], следуя нити нарративности в изъявительном наклонении» (Laurent Martinet, *Le mode indicatif dans L'Ethique de Spinoza*, 1993).

Форма женского рода *narrative*, в отличие от итальянского и испанского, только атрибут и не бывает существительным со значением «история», «изложение» и т. п., см. далее.

2.3. Итальянский язык

Имеем следующее соотношение:

формы глагола (4228) > имя действия или результата *narrazione* (818) «рассказ» > *narrativo / narrativa* (703) «рассказ / повествовательный» и т. д. > имя деятеля *narratore / narratrice* (250) «рассказчик» и «рассказчица» > *inenarrabile* (58) «что нельзя передать словами».

Итальянский материал, как и латинский, демонстрирует бóльшую глагольность, чем французский. В отличие от французского, за пределами латинских цитат практически не употребляется основа *enarr-*. Исключение – *inenarrabile*.

Приоритеты среди форм глагола: инфинитив *narrare* (1182) > пассивное причастие (881, в том числе: мужского рода *narrato* 423, женского *narrata* 170, женского множественного *narrate* 131, мужского множественного *narrati* 89) > презенс 3 л.ед.ч. и императив 2 л.ед.ч. *narra* (754) > перфект 3 л.ед.ч. *narrò* (689) > имперфект 3 л.ед.ч. *narrava* (271) > активное деепричастие (*gerundio*) *narrando* (219) > презенс 3 л.мн.ч. *narrano* (167) > будущее время 1 л.ед.ч. *narrerò* (126) > перфект 1 л.ед.ч. *narraí* (106) > презенс 1 л.ед.ч. *narro* (89) > презенс 2 л.ед.ч. *narri* (85) > имперфект 1 и 3 л.мн.ч. *narravano* (73), остальные значительно меньше.

Narrativa, помимо употребления в качестве прилагательного, бывает существительным со значением «умение и искусство разговаривать», «изложение» и даже «художественная литература», поэтому и употребляется чаще, чем форма мужского рода прилагательного *narrativo*:

narrativa (432) > мужской род *narrativo* (138) > множественное число, женский род *narrative* (71) > множественное число, мужской род *narrativi* (59).

Вот пример употребления *narrativa* как существительного у Ферранте Паллавичино (1615-1644): *La narrativa libertina degli Incogniti* «Воль-

нодумный рассказ неизвестных авторов» (Ferrante Pallavicino, *Il Corriero Svaligiato*). У него же встречаем *narrativo* как обычное прилагательное мужского рода: *Lespediente narrativo non è originale: un' "invenzione bellissima suggeritami da un mio Amico, dirà l'anima dell'autore in un libello anonimo"* «Прием изложения не подлинный: «прекраснейшая придумка, предложенная мне одним моим приятелем, передаст душу автора в анонимной книжке»» (там же).

Латинское имя деятеля *narrator* употребляется редко, значительно чаще встречаем итальянское *narratore* в единственном числе (196) с разновидностями *autore-narratore*, *narratore-artista*; во множественном числе *narratori* (52), а в женском роде *narratrice* (39) «рассказчица» встречаются довольно редко.

Со времен Данте употребительны следующие формы *narrazione* (всего 818): единственное число *narrazione* (665) «изложение / рассказ» > множественное число *narrazioni* (153) «рассказы». Это можно истолковать как превалирование значения процесса над значением результата. В «ученой» речи встречается также латинский вариант *narratio* (55).

Эпитеты *inenarrabile* (31), в форме единственного числа, и *inenarrabili* (16), в форме множественного, без отрицания *in-* не бывают. Напр.: [...] *una vasta, diversa, inenarrabile scena* «широкая, необычная, неопишуемая сцена» (Alessandro Manzoni, *Fermo e Lucia*, 1827).

2.4. Испанский язык

Общая картина показывает небольшой перевес субстантивности над глагольностью:

имя процесса и результата действия *narración* (238) «рассказ, изложение» > глагольные формы (221) > имя деятеля *narrador / narradora* «рассказчик / рассказчица» (104) > *narrativo* (84) > *inenarrable(s)* (19).

Пример с *narración*: *Conocido de todo Madrid, este tipo ha venido a nuestra narración por la propia fuerza de la realidad* «Известный всему Мадриду, этот тип явился в наше повествование по собственной власти реальности» (Benito Pérez Galdós, *La desheredada*, 1881). В единственном числе *narración* (179) встречается почти втрое чаще, чем во множественном *narraciones* (63), которое означает не процесс, а результаты процесса, напр.: *A vos, maese de campo, os sobra tanta / y endulzáis narraciones lastimosas / de suerte que si oírlas nos espanta, / vuestra sazón las sabe hacer sabrosas* «У вас, умелого военачальника, так мно-

го всего, / и вы подслащиваете те горькие рассказы / слыша которые, мы приходим в ужас, / ваш вкус умеет сделать их вкусными» (Tirso de Molina, *Amazonas en las Indias*, 1635).

На втором месте разнообразные глагольные формы, из которых чаще всего встречается инфинитив *narrar* (54). Когда употребляют пассивное причастие *narrado* / *narrada* «рассказанный / рассказанная», имеют в виду героя или событие рассказа, напр.: *Todo esto, narrado por Neluco minuciosamente, tenía que oír* «Все это, подробно рассказанное Нелуко, я должен был выслушивать» (José María de Pereda, *Peñas arriba*, 1894). По-русски же «рассказанные несчастья» звучат непривычно: *Claudio, que era muy sensible a las desgracias narradas y solía llorar con ellas, cuando estaba constipado nunca dejaba de proponer que se leyese, con objeto de desahogar un poco la cabeza* букв. «Клавдий, который был очень чувствителен к рассказанным несчастьям и часто плакал из-за них, когда простужался, все время предлагал почитать о них, чтобы немного разгрузить голову» (Armando Palacio Valdés, *José*, 1885).

Третье место занимают имена деятеля *narrador* и *narradora*, напр.: *Desconfíe usted de las anécdotas jocosas y de los narradores amenos, que esconden entre jazmines el aguijón ponzoñoso...* «Остерегайтесь шуточных анекдотов и дружеских рассказчиков, которые прячут в жасмине ядовитое жало» (Benito Pérez Galdós, *Electra*, 1901).

На четвертом месте *narrativo*, указывающий на жанр речи. Так, «нарративный поэт» – поэт повествующий, автор повествований, противопоставляемых поэзии «беспредметной» и «бессюжетной», напр.: *A más de excelente poeta lírico, me parece usted buen poeta narrativo* «Я считаю вас не только прекрасным лирическим поэтом, но и хорошим поэтом-рассказчиком» (Juan Valera, *Cartas americanas*, 1889). Как и в итальянском, субстантивированная форма женского рода *narrativa* означает «проза, талант рассказчика» и даже просто «рассказ», напр.: *Con esta manera de componer obras de imaginación, no es fácil mantener constante el interés de la narrativa, ni siempre animada y unida la acción, ni el estilo parejo y natural, ni el tono templado y sostenido que exigen las producciones del género novelesco* «При таком способе сочинения остроумных произведений нелегко поддерживать постоянный интерес к рассказу, ни с помощью живого и плотного хода событий, ни с помощью ровного и естественного стиля, ни умеренным и

выдержанным тоном, которого требуют произведения жанра новеллы» (Cirilo Villaverde, *Cecilia Valdés o la loma del ángel: Novela de costumbres cubanas*, 1839).

Наконец, *inenarrable(s)* на пятом месте. Как и в итальянском, этот эпитет не бывает без префикса отрицания, напр.: *Dígolo por la impresión inenarrable que me causó Lituca* «Я говорю это под несказанным впечатлением, которое на меня произвел Литука» (José María de Pereda, *Peñas arriba*, 1894).

В отличие от итальянского, редко, но все-таки встречается испанский (не цитирующий латинский авторитет) глагол *enarrar* «рассказать в деталях» с префиксом *e-*, напр.: *Y consignó uno de aquellos, que “en una de las sesiones oratorias, le sirvió de tema el pueblo de Israel, y con lenguaje expresivo y sublime enarró las maravillas de aquel pueblo excepcional”* «И один из них подтвердил, что “на одной из ораторских сессий темой для него послужил народ Израиля, и выразительным и возвышенным языком он рассказал о чудесах этого исключительного народа”» (José Martí, *Amistad funesta*, 1909).

3. Германские языки

3.1. Английский язык

В английском корпусе преобладание *narrative* над глаголом *narrate* бросается в глаза:

– *narrative* (39795, из них в форме множественного числа *narratives* 3874) > глагол *narrate* в личных формах (5919) > *narration* (3541, в том числе форма множественного числа *narrations* 380 раз и латинская форма *narratio*, *narrationis* и т. п., встреченная 125 раз) > *narrator* (3117) «рассказчик»;

– *enarration* (35) > *inenarrable* (2).

Попытки ввести новые дериваты от основы *narrate* в филологических публикациях свидетельствуют о креативности их изобретателей, а латинские и французские прообразы термина говорят о солидной филологической подготовке, но все-таки в английских текстах, особенно художественных, довольно немногочисленны. Напр., созданный с помощью продуктивного суффикса *-ee* термин *narratee* «излагаемое, предмет рассказа»: «In his rhetorical and narratological analysis, Rigolot (1981) describes the dominating style (style de domination) of Alcofrybas and sees a contractual relationship between the narrator (narrateur) and the reader or narratee (*narrataire*), rendered particularly complex because of a narrative situation in which the utterance (*énoncé*) is supposed to be true, but at the same time cannot be true» [Baker 2004: 195].

Самая частая единица, как видим, – *narrative*. Одним из первых употреблял ее знаменитый английский первопечатник У. Кекстон (1422-1491), напр. (в современной орфографии): *From the envoy of the anonymous author of the original French version we learn how Henry Bolomyer, a canon of Lausanne, induced him to gather together into one connected narrative these disjointed fragments* (William Caxton, *Lyf of the noble and Crysten prynce, Charles the Grete*).

Помимо чистой основы *narrative*, используются и основы с общеизвестными «научными» префиксами: *metanarrative* (23), *semi-narrative* (5), а также разные очень редко употребляемые именованья, часто с дефисом после квазипрефикса, обозначающего жанр, область происходящих событий или объем нарратива: *fact-narrative* (10), *verse-narrative* (4), *Gospel-narrative* (3), *self-narrative* (2), *micro-narrative* (1), *mininarrative* (1), *dream-narrative* (1) и др. Интересно, что форма *non-narrative* (3) в корпусе представлена слабо. Напр.: *Catholics have always looked upon the Book of Jonah as a fact-narrative* (John Cardinal Farley, ed., *The Catholic Encyclopedia: Vols.1-17, 1907-1914*); *In particular, conversation – a thing difficult to bring anyhow into verse-narrative, and impossible there to keep up satisfactorily in various moods – begins to find its way* (George Saintsbury, *A History of the French Novel: Vol. 1. From the Beginning to 1800*, 1917); *The history of error is a dream-narrative* (Mary Baker Eddy, *Science And Health With Key To The Scriptures*, 1910); *The “Irish brigade” of the work – Castle Rackrent (1800), Ormond, and The Absentee, with the non-narrative but closely-connected Essay on Irish Bulls – have perhaps commanded the most unchequered applause* (George Saintsbury, *The English Novel*, 1913).

Вторым по частоте употребления является глагол *narrate*, в следующих формах:

narrated (3330) > *narrate* (1190) > *narrating* (779) > *narrates* (620).

Чаще всего, как видим, встречается форма прошедшего времени и по совместительству пассивного причастия. Четвертая по частотности – форма настоящего времени 3 л.ед.ч., вторая – настоящего времени остальных лиц и чисел и инфинитива. С префиксом *re-* глагол *narrate* встретился только один раз: *Immediately after dinner this evening it occurred to me to renarrate to my native overseer Simele your story of The Engineer’s Thumb* (Robert Louis Stevenson, *Letters, Volume 2*, 1880-1887). К глагольным формам относим и *narrating*, герундий (управляющий падежной формой суще-

ствительных так, как если бы это был глагол) и по совместительству существительное, требующее родительного падежа у зависимого существительного. Пример герундия: *Once more I found myself narrating the insignificance of my visit to Arizona – the Bishop must have been a hard inquisitor for even the deeply skilful to elude – and for the first time my word was believed* (Owen Wister, *Red Men and White* (1895). Пример существительного: *Strange that the narrating of this incident made Diane Sampson unhappy* (Zane Grey, *The Rustlers of Pecos County*, 1914). Бывает и безобъектное употребление, напр.: *She was extremely deaf, and consequently had more satisfaction in narrating than in listening; her memory both of remote and of the most recent facts was correct beyond belief* (Horace Walpole, *Earl Of Orford, Letters: Vol.1, 1735-1748*).

Третье место занимает *narration*, напр.: *In sum, if the truth of a history did ever appear by the manner of relating, it doth so in this history: so coherent, perspicuous and persuasive is the whole narration, and every part thereof* (Thomas Hobbes, *On The Life And History Of Thucydides*, 1629).

Четвертое по частоте производное – имя деятеля *narrator*, оно бывает только в этой, латинской форме, напр.: *At this period Ferret interrupted the narrator, by observing that the said Greaves was a common nuisance, and ought to be prosecuted on the statute of barratry* (Tobias Smollett, *Sir Launcelot Greaves*, 1760). В англоязычном виде (*narrater*) квалифицируется как опечатка. Французская форма *narrateur* (4) бывает только в составе французских цитат.

Английская форма *enarration* (4) значительно реже, чем сам латинский прообраз *enarratio* (15), с его падежными формами *enarrationes* (12), *enarratione* (2) и т. д.: предполагается, что выпускник средней школы должен знать об этом понятии латинской риторики. Напр.: *Shall we understand the word ‘exposition’ to mean ‘enarration’, or ‘explanation’?* (Joseph B.Lightfoot, *Essays on Supernatural Religion*, 1889).

Inenarrable в значении «несказуемый, непередаваемый» встречается в считанном количестве предложений: *“When we hear the word Gospel, hackneyed, dreadly contemptible, we can hear all the tragedy of Man”*; *and he scarcely refers more than once to Jesus, whom he dismisses as “inenarrable”, although he admits an element of value in Christianity and is perhaps himself more of a Christian than he knows* (Havelock Ellis, *Views and Reviews*, 1932). О чужеродности слова свидетельствуют кавычки вокруг него, до которых автору следующего от-

рывка, молодому и рано умершему поэту, переполненному чувствами, дела нет: *Shall I not crown them with immortal praise / Whom I have loved, who have given me, dared with me / High secrets, and in darkness knelt to see / The inenarrable godhead of delight?* (Rupert Brook, *The Great Lover*, 1914). А удел *inenarrabilis* и косвенных форм – исключительно латинские цитаты.

3.2. Немецкий язык

Немецкий корпус разительно отличается от английского малоупотребительностью потомков данного латинского корня:

Narrativ (168) > *Narration* (49) > *Narrator* (35)

И никаких *Enarrativ*, *Enarration*, *Enarrator*.

Никаких глагольных словообразований: даже **narrieren*, с популярным суффиксом *-ieren*, не бывает.

Вне латинских, итальянских, английских и французских цитат *Narrativ* более активно начинает употребляться ближе к концу 20 в., напр., в качестве прилагательного *narrativ* «нарративный»: [...] *die differenzierte Betrachtung der poetologischen wie narrativen Texte von Autoren, die das Paradigma der Avantgarde für obsolet halten und neue ästhetische Lösungsansätze suchen* «дифференцированное рассмотрение поэтологических и повествовательных текстов авторов, считающих парадигму авангарда устаревшей и ищущих новых принципов эстетического решения» (Andreas Gelz, *Stellungnahme zur Rezension von Peter Stolz*, 1998). Иногда дериваты используются при назывании новых научных дисциплин, напр.: *Seine Studenten interessierten sich für Filme, aber doch nicht für früh-neuzeitliche Narrativik!* «Его студенты интересовались фильмами, но не нарративистикой ранней новой истории» (Dietrich Schwanitz, *Der Campus*, 1995).

Латинское имя деятеля *Narrator* встречается большей частью в цитатах из английского, родное немецкое слово *Erzähler* «рассказчик» доминирует.

4. Русский язык

Русифицированная латинская основа *narrativ* / *наррация* с различными дериватами в русском тексте стала появляться только в 20 в., но довольно быстро к началу 21 в. нагуляла хорошую статистику.

До этого изредка встречаются *narro* / *enarro* и т. п. в написании латиницей: в названиях латинских произведений (только в таких случаях встречаем *narratio*) и в общеизвестных в 18-20 вв. ла-

тинских клише, типа: *Девизом моего дневника должно быть “Non ad probandum, sed ad narrandum”* «Не для доказательства, а для рассказа» (Л.Н. Толстой, *Дневники*, 1854). Более полная формулировка Квинтилиана (35-96 н.э.): *Historia scribitur ad narrandum, non ad probandum* «История пишется для рассказа, а не для доказательства (или одобрения)» (Quintiliano *De Institutione Oratoria*, X, 1, 31). Такая массовая классическая мудрость осваивалась не одним поколением. Напр., цитата из Горация у К.Н. Батюшкова (1787-1855): *Fabula de te narratur* «Басня о тебе рассказывается» (К.Н. Батюшков, *Сочинения в двух томах: Том 2. Из записных книжек; Письма*, 1989). Она же встречается и в более полном виде: *Конечно, mutato nomine de te fabula narratur* «с другим именем, басня о тебе рассказывается» (Л.И. Шестов, Шекспир и его критик Брандес, 1898).

Приведем данные о количестве предложений, в которых встречаются лексемы класса «нарратив» (производные типа *эннаррация* и *эннарратив* в кириллическом написании отсутствуют):

русифицированный *narrativus* (2465, а именно: *нарративный* 1227, *нарратив* 1158, *нарративность* 80) > *наррация* (663) > *нарратор* (629).

Глагольные формы не встречаются: несмотря на глубокое проникновение на протяжении нескольких столетий западноевропейского фонда основ, по-русски до сих пор не *нарруют*, не *наррируют* и совсем не *наррят*. Трудно представить себе, чтобы кто-нибудь сказал: «Эх, и не нарруй, кума!» В этом сходство со словами *дискурс* и *текст*: глаголов от этих двух основ в русском мы тоже так и не дождались.

Не встречаем мы и рефлексов латинских *enarro*, *enarratio*, хорошо знакомых гимназистам.

Из русифицированных версий латинского *narrativus* наиболее часты атрибутивные формы, среди которых есть и префиксальные. По образованиям *донарративный* и *анарративный* можно безошибочно опознать работы О.М. Фрейденберг (1890-1955), напр.: *Повторю и здесь: драма – это древняя до-нарративная форма «смотрения» и «слушания» в непосредственном действии* [Фрейденберг 1978]; *Я говорила выше, что каждая наррация бывает заключена среди анарративного изложения или в антитезе к нему (там же)*. Столь же прозрачны по своей семантике дериваты с русскими и заимствованными суффиксами: *ненарративный*, *метанарративный*, *вненарративный*, *транснарративный*, *семиотико-нарративный*, *сю-*

жетно-нарративный, контрнарративный. Напр.: *Метанарративный дискурс обеспечивает функция комментария повествователя о своем дискурсе* [Ильин 2001]; много других примеров см. [Грицанов 2003]. Немного уступает по количеству префиксальных производных собственно *нарратив*: лидирует *метанарратив* (65), остальные гораздо реже (*автонарратив*, *повествование-нарратив*, *теленарратив*, *мини-нарратив*, *микронарратив*, *гипернарратив*, *сверхнарратив*, *кинонарратив*, *рассказ-нарратив*). Наборы префиксов у *нарратив* и у *нарративный* во многом не совпадают. Уделом филологических сочинений остается *нарративность* «свойство, присущее нарративам», напр.: *Если в первом случае повествовательность возникает за счет того, что рисунки используются как слова, то во втором возникает нарративность собственно изобразительного типа* [Лотман 1973]. За пределами серьезных сочинений этот и подобные термины сверхредки, но ср.: *Кому может быть присуща нарочитая навязчивая нарративность – нарратору или наррататору?* (Илья Фальковский, Сочинения). Трудно представить себе всерьез сказанную фразу: «В вашей дипломной работе маловато дискурсивности, избыток нарративности заслоняет у вас линию рассуждения».

На втором месте, с сильным отрывом, *наррация*, транслитерация ученого латинского имени действия, встречается в филологических научных сочинениях, а в художественной литературе практически не употребляется и обладает привкусом старины: *На добрый исход сей наррации надежды не имею* (Ю.П. Герман, Россия молодая: Книга 2, 1954).

Нарратор на третьем месте, в том числе, с единичными употреблениями префиксальных образований, типа *не-нарратор*, *метанарратор*. Особенно удивительны избыточные *рассказчик-нарратор* и *повествователь-нарратор*, напр.: *В этой ситуации субъект научного познания – на этапе фиксации результата своей деятельности – оказывается фактически в роли рассказчика-нарратора* [Грицанов 2003].

Другие термины совсем не часты, напр.: *Специфика новейшей, постмодернистской трактовки языкового сознания состоит уже не столько в его текстуализации, сколько в его нарративизации* [Ильин 2001]. В этом слове русский читатель угадывает революционный настрой *коллективизации* и *электрификации*, со всевозможными аллюзиями и подтекстами, и сможет, если

потребуется, на ходу объяснить, что такое *насильственная нарративизация*. Но находим его раньше и в английском, и в итальянском, напр., у Н. Фрая: «[...] the Real itself necessarily passes through its prior textualisation, its narrativisation in the political unconscious» [цит. по: Beaugrande 1988]; ср.: [...] *un'iperdescrizione che derealizza gli oggetti e gli eventi illuminati, ed un costante lavoro di narrativizzazione della descrizione* «гиперописание, лишаящее реальности освещаемые объекты и события, и постоянная деятельность нарративизации описания» (Andrea Martines, *La letteratura combinatoria*, 1997).

Деятель, занимающийся нарративизацией, нарративист, берет на себя трудную задачу, напр.: *Основные темы, волнующие нарративистов, – насилие, война (особенно вьетнамская), проза повседневной жизни и ее экзистенциальные тайны* (Н.Б. Маньковская, Эстетика постмодернизма, 2000). Отсюда и не очень положительные коннотации у производных *нарративистика*, *нарративистский* и *нарративизм*.

Упомяну также «термины одного автора» *нарраториальный*, *нарраториальность* и *нарраторский* – производные от термина *нарратор*, придуманные и очень к месту несколько раз употребленные в работе, написанной по-русски замечательным немецким славистом-нарратологом, напр.: «Воспроизводя речи персонажей, нарратор использует персональные знаки и значения как обозначающие, выражающие его **нарраториальные** значения» [Шмид 2005]. *Нарраторский* там же противопоставляется атрибуту *авторский*: «Таким образом, получается характерная для повествовательного искусства двойная структура коммуникативной системы, состоящей из авторской и **нарраторской** коммуникаций, причем **нарраторская** коммуникация входит в авторскую как составная часть изображаемого мира» [Шмид 2005].

5. Заключение

1. В результате проведенного анализа корпуса можно разбить на три группы, в зависимости от того, какие формы статистически преобладают, каков «системный вес» рассмотренных лексем:

- глагол-ориентированные (латинский и итальянский),
- наррация-ориентированные (французский и испанский),
- нарратив-ориентированные (английский, немецкий и русский).

Во всех этих корпусах употребительность имени деятеля (наследника латинского *narrator*) всегда ниже, чем у потомка латинского *narratio*.

Общим для всех рассмотренных корпусов является то, что рефлекс латинского эпитета (*in*)*enarrabilis* и производные от них по количеству занимают во всех языках последнее место, причем с отрицанием они чаще, чем без отрицания и обозначают высшую степень необычности. Заметна употребимость *inenarrabilis* (с отрицанием) в романских языках, а в остальных она, как и *enarrabilis* без отрицания, близка к нулю (в английском) или просто ноль. И вообще, основа *enarr-* не в составе эпитета (с отрицанием или без), за пределами латинского малоупотребительна, а в русском и в немецком просто отсутствует.

2. Главная функция *narratio* и *enarratio* связана с **изложением известного**, а не придуманного *ad hoc* – в отличие от риторического изобретения, *inventio*. Это уже запрограммировано латинским этимологом и подобно эстафетной палочке проходит по всем наследующим культурам. «Изложение», как говорит внутренняя форма этого русского слова, также заключается не в приготовлении блюд на месте по ходу рассказа, а в подогреве и сервировке информационных полуфабрикатов, заготовленных в памяти, а потому не обязательно первой свежести. То, что поярче и посочнее, посвежее, поубедительнее и поинтереснее, кладут на видное место, а остальное создает впечатление изобилия, и обязательные минимум и максимум объема такого гарнира зависят от жанра. Скажем, официальный юбилейный адрес в одну строчку, без перечисления заслуг, которые адресат и сам за собой знает, но с инвективами, удивит своею жанровою непригодностью.

3. Этимологически родственные лексемы обладают в разных языках различным «системным весом» и разными палитрами значений. Так что пусть уж русское *нарратив* так и останется элементом «ученого» языка, подобно прилагательному *контагиозный*, демонстрирующему тематическую причастность к медицине тех, кто из суеверия не хочет говорить о *заразном*. Говорят же моряки *крайний* вместо *последний*, а по месту ударения в слове *осужденный* можно вычислить род занятий говорящего.

Список литературы / References

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской

культуры, 2018. [Boldyrev N.N. Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2018.]

Грицанов А.А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Минск: Книжный Дом, 2003. [Gritsanov A.A. Noveyshiy filosofskiy slovar': 3-e izd., ispravl. Minsk: Knizhnyy Dom, 2003.]

Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. [Dvoretzkiy I.KH. Latinsko-russkiy slovar'. M.: Russkiy yazyk, 1976.]

Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // Вопросы филологии. 2007. Спецвыпуск. С. 86-95. [Dem'yankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenного yazyka // Voprosy filologii. 2007. Spetsvypusk. S. 86-95.]

Ильин И.П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. [Il'in I.P. Postmodernizm: slovar' terminov. M.: INION RAN – INTRADA, 2001.]

Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. [Lotman YU.M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Tallin: Eesti Raamat, 1973.]

Тесля А.А., Золян С.Т., Тульчинский Г.Л. Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022. [Teslya A.A., Zolyan S.T., Tul'chinskiy G.L. Identichnosti: semiotika reprezentatsii i pragmatika pozitsionirovaniya: monografiya. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2022.]

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. [Freydenberg O.M. Mif i literatura drevnosti. M.: Nauka, 1978.]

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Shmid V. Narratologiya. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005.]

Baker M.J. Prologue to Pantagruel // The Rabelais encyclopedia. Westport: Greenwood, 2004. P.194-195.

Beaugrande R.-A.de. Critical Discourse: A Survey of Literary Theorists. Norwood (New Jersey): Ablex, 1988.

Currie M. Postmodern narrative theory. Houndmills etc.: Macmillan, 1998.

Bréal M., Bailly A. Dictionnaire étymologique latine. Paris: Hachette, 1885.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. 3-me édition revue, corrigée. Paris: Klincksieck, 1951.

Georges K.E. Ausführliches Lateinisch-Deutsches Wörterbuch: Aus den Quellen zusam-

mengetragen und mit besonderer Bezugnahme auf Synonymik und Antiquitäten unter Berücksichtigung der besten Hilfsmittel. 9. Aufl. Basel: Schwabe, 1951.

Glare P.G.W. Oxford Latin Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1968.

Herman D., Jahn M., Ryan M.-L., eds. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory. New York: Routledge, 2005.

Klotz R. Handwörterbuch der Lateinischen Sprache: 5. Auflage. Bd. 2. Braunschweig: Westermann, 1874.

Köbler G. Lateinisches Abkunfts- und Wirkungswörterbuch. Erlangen: Universität Erlangen, 2005.

Walde A. Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. 2. umgearbeitete Auflage. Heidelberg: Winter, 1910.

NARRATIVE AND DISCOURSE

V.Z. Demyankov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
vdemiank@mail.ru

Ideas of “knowing” and of “being known” are traditionally ascribed to the Latin ‘gnārus’, the commonly recognized etymological source of the Latin ‘nārrō’ which normally meant “I am telling”. A prototypical narrative’s main property is cohesion, because narratives typically present chains of events and/or describe states of affairs which are not invented on the spot: prototypically, the narrator already ‘knows’ and the audience ‘learns’ them from the narration. At the same time, a prototypical discourse is coherent, consistently proving or disproving a certain line of ‘discursive’ thinking. Narrative discourses have both properties.

A corpus investigation of the word ‘narrative’ and of its cognates and derivatives is here exposed, in several Romance languages (Latin, French, Italian, Spanish), in Germanic (English and German) and in Russian. It shows different tendencies of development of the meaning ‘narrative’ in the course of several centuries. There are three groups of languages, depending on which the lexeme statistically prevails in the corpus: verb-oriented Latin and Italian, narration-oriented French and Spanish, and narrative-oriented English, German, and Russian. Therefore, a critical look is necessary at the existing definitions of the terms ‘narrative’ and ‘discourse’, thus narrowing their semantic scopes and delimiting them from each other.

Key words: *cognitive linguistics, contrastive corpus linguistics, narrative and cognition, narrative vs. discourse, narrative cohesion, discourse coherence, inner form of terminological items.*

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 19–18–00429 (section 1) and project No. 19–18–00040 (sections 2, 3, and 4).

For citation: Demyankov, V. Z. (2022). Narrative and discourse. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-16 (In Russ.).